

Станислав
Сенькин

ИСТОРИЯ
БЛУДНОГО
СЫНА

*рассказанная
им самим*

Станислав Леонидович Сенькин

История блудного сына, рассказанная им самим

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6880153

История блудного сына, рассказанная им самим /: Сатисъ; Санкт-Петербург; 2011

ISBN 978-5-7868-0037-2

Аннотация

Новая повесть известного православного писателя Станислава Сенькина основана на дневниках реально существующего человека, ныне инока, по имени Андрей и разворачивается в Санкт-Петербурге в печально известные «лихие девяностые». Будучи сыном священника, Андрей, отвергнув веру отцов, стал бандитом и наркоманом. Через мучительные переживания и новое обретение веры Андрей вернулся к свету Православия, оставив тьму героиновой зависимости и криминала. Повесть пронизывает тонкий психологизм и христианский дух всепрощения. Она будет интересна читателям любого вероисповедания.

Содержание

Предисловие автора	7
В начале была вера	12
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Станислав Сенькин

История блудного сына, рассказанная им самим

11. Еще сказал: у некоторого человека было два сына;

12. и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую [мне] часть имения. И [отец] разделил им имение.

13. По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно.

14. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться;

15. и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней;

16. и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему.

17. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода;

18. встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою.

19. и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих.

20. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его.

21. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим.

22. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги;

23. и приведите откормленного тельца, и заколите; станем есть и веселиться!

24. ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и найден. И начали веселиться.
(Лук.15;11–24)

*Facilis descensus Averni
Noctes atque dies partet atri janua Ditis –
Sed revocare gradum superasque evadere ad auras,
Hoc opus, hic labor est.*

*Легко спуститься в ад,
ночью и днём раскрыты двери царства мёртвых.
Но вернуться по собственным следам к дневному
ветерку – тяжкое испытание.*

**Вергилий. Энеида.
Шестая эклога.**

По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладозжского
ВЛАДИМИРА

Предисловие автора

Прежде всего благодарю вас, моих читателей, за то, что вы вместе со мной проходите тернистый путь любви к Богу и людям; что переживаете за героев моих повестей и рассказов, как переживаю за них я сам. Сердцу моему весело от того, что в своем творческом поиске я не одинок. Безо всякого преувеличения скажу, что только благодаря вашей молитвенной поддержке я снова и снова нахожу силы для написания новых книг.

«Житие Блудного сына, рассказанное им самим» – вы прочли на обложке. Можно было бы просто назвать эту книгу «исповедью». Но человеческая культура знает уже немало великих исповедей, в которых следующая может затеряться, будто некий телефонный справочник между томами классиков. Да и потом – настоящий автор повести – не я, поэтому взыскательному читателю может показаться, что я здесь раскрываю так называемую «тайну исповеди». Поэтому скажем так: эта художественная повесть написана в жанре исповеди.

Жанр предусматривает предельную искренность, и это отнюдь не в раскрытии каких-то негативных деталей жизни, описанных с вульгарным натурализмом, чем в последнее время грешат авторы, а в правдивом и нелицемерном описании мыслей и переживаний, раскрывающих героя как личность, подверженную влиянию и добра, и зла, и почти сво-

бодную от влияния так называемого общественного мнения, навязывающего стереотипы поведения, и хорошие, и плохие. Но мы думаем, что стереотип по определению не может быть хорошим. Выбор добра должен быть глубоким и осмысленным, а не навязанным извне.

От вас, читателей, требуются лишь время и сопереживание. Те, кому близок опыт героя повести, может быть найдут здесь помощь для решения собственных проблем, другие – просто больше поймут некоторых своих близких и знакомых. А понять – значит простить. Простить – значит протянуть заблуждающимся руку помощи.

За основу повести я взял дневники моего приятеля-инока, с которым познакомился в одном из северных монастырей. Назовём его Андреем. Он и является настоящим автором повести, а я лишь его соавтор и редактор. Будучи сыном благочестивого священника, с детства воспитанный в Православии, Андрей, повзрослев, отошел от веры отцов наших и впал в смертные грехи. Это не было обычным юношеским самоутверждением, когда бунт против традиции становится «священной войной» за право быть самим собой. Он выбрал грех сознательно, как, впрочем, многие из нас. Период становления Андрея как личности попал на время развала Советского Союза и утверждения в России капитализма, когда общее многих принеслось в жертву частному некоторым. Вместе со многими другими сверстниками он пустился во все тяжкие, не обошел криминальные дороги «лихих

девяностых» и увлекся наркотиками. Участь его была почти предрешена, – в то время фотографии на могильных плитах российских кладбищ молодели день ото дня. Смерть шла за ним по пятам, грозясь прервать нить его жизни и увлечь бесмертную душу в ад без покаяния.

Но случилось чудо – Андрей вернулся к Богу и Церкви, оставив наркотики, криминал и прочие безумства. Переменил своё отношение ко греху и отрёкся от него сердцем. Он возвратился в храм, опаленный грехом и сомнением. Спасся, по слову Писания, из огня. Как он сам считает – мудрость отца, его иерейские молитвы и память о благочестивом детстве помогли ему выжить в самые сложные моменты и преодолеть отчаяние, толкающее на медленное или быстрое самоубийство. Андрей нашел в себе силы признаться в своих ошибках и возвратиться к Богу. Он теперь помогает всем тем, кто ещё не находит в себе сил для того, чтобы сказать жизни «Да».

Его записи, представляют собой весьма нестройное повествование. Отрывки, написанные кровью сердца переплетаются с наркотическим бредом и самодовольными речами, а также сценами жестокости. Поэтому Андрей хотел сжечь свои дневники, считая, что таким образом он полностью порвет со своей прежней жизнью.

Мне пришлось немало убеждать его, чтобы он отдал тетради мне. Его отрицательный опыт может помочь многим молодым людям, которые уже пытаются сойти с пути поги-

бели, но не знают, как это сделать. Да и ему самому не стоит изглаживать из памяти ту «страну далече», в которой он некогда пребывал и питался «рожками вместе со свиньями». Избежав гибели на лукавой дороге, он ни в коем случае не должен забывать как был близок к смерти, и что ещё многие и многие идут по этому пути. Испытания, которые мы с Божьей помощью преодолеваем, какими бы они ни были, становятся нашими победами. Андрей может разделить свою победу с другими людьми, что прочтут его историю и, вдохновившись, придут к покаянию. Убедив Андрея отдать мне дневники, я сутками сидел над ними, отделяя тьму от света, восстанавливая хронологию, литературно обрабатывая материал и избавляясь от всего лишнего. В результате этой работы появилось «Житие Блудного сына, рассказанное им самим».

Если эта книга поможет хотя бы одному человеку, мы с Андреем сочтем, что наш труд был не напрасным. Христос вчера и днесь один и Тот же! Читайте современное изложение притчи о Блудном сыне. И помните, что беда не может быть чужой. Что равнодушно проходя мимо страдающего человека – мы проигрываем. Что самый отчаянный и озлобленный, даже пребывая в яме гибели, может одержать победу над смертью и получить венец жизни.

Повесть состоит из нескольких новелл, объединенных историей жизни главного героя – Андрея. Прошу читать эти новеллы именно как самостоятельные произведения и не

стараться уловить точную взаимосвязь и хронологию между ними, хотя таковая всё-таки имеется. Мне пришлось пожертвовать общей композицией, чтобы мысли и переживания автора дневника были переданы с максимальной точностью.

Уверяю вас, систематизировать дневники – дело очень неблагодарное и кропотливое. Но Бог помог мне и вы держите эту повесть в своих руках.

Ну а теперь слово Андрею.

В начале была вера

...Есть ли что-нибудь сильнее веры в этом мире? Некоторые верят, что сильнее только любовь, которая крепка, как смерть. На своем жизненном пути я встречал всяких: тех, кто верил в Бога, и тех, кто верил в вечную смерть. Хиппи, наркоманы, кришнаиты, православные христиане и «просвещенные» атеисты, – каждый из них верил по-своему. И каждый находил в повседневности и величии жизни лишь подтверждение своей веры. Я тоже вынес из своего опыта лишь своё: жизнь – это прыжок в неизвестное; вера – есть то, что дает смысл нашему существованию на этой земле. То, что позволяет нам принять не только жизнь, но и смерть, и при этом не отчаяться.

«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». (Евр. 11;1) Так оно и есть! Теперь, когда уже многое пройдено, я могу подписаться под каждой строчкой бессмертных слов апостола Павла о вере, надежде и о любви...

Но чаще всего я пишу о вере как об определённой религии. В средние века на Руси, знакомившись, не спрашивали, какой ты национальности. Понятие нации и национального самоопределения пришло к нам с Запада в века модерна, как марксизм и либерализм. Тогда спрашивали, какой ты веры: магометанин, католик, жид, или православный христианин?

С другими конфессиями я знаком мало, поэтому буду в дальнейшем говорить о вере, только как о Православии.

Уникальность моей ситуации в том, что с раннего детства я наблюдал за людьми, приходившими в храм. Многие шли сюда в результате сильных переживаний на грани жизни и смерти. Были такие, которым небом посылалась тяжелая, подчас смертельная болезнь, заставляющая по-новому взглянуть на себя и пересмотреть свое отношение к миру. Перед лицом неумолимой смерти людям приходится быстро проходить то, на что иным требуется целая жизнь. Но не все пробуждаются и просвещаются болезнями – есть такие, что впадают в еще большее отчаяние и богохульство... Встречал я и таких, что попадая на войну, в плен или тюрьму так же находили Бога, потому что мысль о Нём помогает переносить тяжелые жизненные испытания. Кто-то из них оставался верен Церкви, а кто-то, когда полегчало, вновь возвращался к прежнему образу жизни, по слову апостола, как пёс на свою блевотину.

Мне в этой жизни крупно повезло – я родился в семье верующих людей. Чтобы поверить в Бога мне не нужно было хрипеть на смертном одре, корчась от нестерпимой боли и ожидая будущего, которого не существует; или паниковать под минометным обстрелом, когда справа и слева разлетаются в разные стороны конечности боевых товарищей... Мне спокойно и доброжелательно объяснили всё еще в раннем детстве. Родитель мой был настоятелем храма Трёх Святи-

телей. Добрая матушка была дочерью вдового священника, репрессированного во время безбожной пятилетки. Его звали Алексей – мне осталась его старая фотография в рясе, камилавке и с наградным крестом. Светлый взгляд на фото. Его арестовали в Гатчине, в храме, во время божественной литургии, и не дали даже собрать вещи. Никто до сих пор не знает, где и как он умер и в каких местах похоронен. Старцы ещё в те годы благословили молиться за него как за убиенного протоиерея Алексия. Мама была младшей дочерью в большой, многодетной семье. Её мать – моя бабушка – умерла при родах. Благодаря родственникам, ей с братьями и сестрами удалось избежать ужасов беспризорщины. Деда забрали, когда ей было два годика, она совершенно не помнила его, но очень любила и молилась за него с особым усердием. Так, говорила она, нужно любить и Бога, Создателя нашего, Которого никто никогда не видел. Это был наиболее ранний урок любви к Богу, что я усвоил и запомнил на всю жизнь.

Родители меня баловали как могли, хотя могли применить и строгость. Я был их единственным и долгожданным сыном, которого Господь даровал им на последних годах их брачного союза. Они уже хотели жить в целомудрии, по взаимному согласию, когда отцу с Афона прислали часть лозы святого Саввы из Хилендарского монастыря – благословение Матери Божьей неплодным семьям. Так, благодаря божественному вмешательству, на свет появился я. Тогда маме было уже со-

рок пять лет. Отец называл мое появление «благословением Авраамовым», считая, что из меня должно непременно получиться что-то особенное. Назвали меня Андреем в честь Андрея Христа ради юродивого, потому как я родился на день памяти Покрова Божьей Матери. Благодарю Пресвятую Богородицу, что Она дала моим появлением утешение маме и скрасила ей последние годы жизни, но не дала ей увидеть, что из меня получилось впоследствии.

С детства меня учили основам Православия. Мать сама давала мне уроки Закона Божия и церковнославянского языка. Помню себя словно в дореволюционные времена: по старинной книге я учил аз, буки и веди. Знал библейскую историю и все двенадцатые праздники – их тропари и кондаки заучил наизусть. Воспоминания моего раннего детства окрашены в цвета любви и радости. Иногда, устав от постоянного жизненного поединка, я уединяюсь и погружаюсь в них умом, отдыхая душой...

...Мама умерла от туберкулёза, когда мне было десять лет. Её внезапный уход стал сильным испытанием для моей детской веры. Тогда ум мой, подобно утренней звезде, ниспал из рая в земной мрак. Я думаю, что её смерть поколебала даже веру отца. Я хорошо помню отпевание матери, отец не мог сдержать слёзы, когда кадил гроб и пел «со святыми упокой». За это он потом себя корил, ведь он призван быть во всём примером своим прихожанам. Твёрдость духа во время отпевания близких – есть главное доказательство веры в

жизнь вечную. Но в тот момент отцу было всё равно, кто и что о нём подумает. В день отпевания хлопьями валил снег и был легкий морозец. На церемонию народу пришло немного, в основном родственники со стороны мамы, которых я плохо знал, и местный кладбищенский священник отец Олег. Все меня жалели, неловко улыбались и дарили шоколадные конфеты...

Смысл случившегося стал доходить до меня только спустя несколько недель. В жизни возникла пустота, которую я не смог заполнить до сих пор. Что чувствовал отец остаётся только догадываться – их союз был на редкость гармоничным. Я не разу не видел, чтобы родители ругались или даже спорили по какому-нибудь поводу. Мать всегда уважала отца и при посторонних называла только по имени и отчеству. Она крепко держала в своих руках домашнее хозяйство и была правой рукой отцу на приходе, занимаясь свечной лавкой и клиросом. Без всякого преувеличения скажу, что родители по-настоящему любили друг друга. Овдовев, отец в тот же год принял монашество, но особенно это не афишировал, оставаясь служить у себя в Трёх Святителях, в обычной малиновой протоиерейской камилавке.

Первые годы мы с ним часто приходили на Волковское кладбище, где мама была похоронена рядом с тётушкой Валентиной, которая заменила ей мать. Отец обычно служил панихиду или литию, а я прислуживал: разжигал уголь для кадила, подкидывал ладан и тихонько пел, втыкая в землю

или снег зажженные свечи... Отец как-то рассказал, что в старое время на этом кладбище собирались стаи волков, чтобы пожрать трупы тех, кого бедные или жадные родственники оставили на кладбище непогребенными...

...Мне этот его рассказ вспомнился вот по какому поводу: неподалёку от маминой могилы были так называемые «литераторские мостки», где были похоронены почти все родственники Ленина. Однажды, уже после развала Союза, в ночном выпуске «Вестей» сообщили, что мумию вождя вынесут из мавзолея и захоронят рядом с могилами его близких. На Волковском собралась уйма народу, преимущественно пенсионеров. Приехавшие милиционеры объяснили, что никакого захоронения тела вождя не будет; что это просто журналистская утка. Но народ ещё долго не расходился, пока не обошел всё кладбище вдоль и поперёк, убедившись, что нет никаких свежеврытых могил...

Отец услышал об этом инциденте от кладбищенского священника Олега и долго смеялся. Потом сказал, что тело Ленина давно бы захоронили, невзирая на стариков из группы поддержки мавзолея и КПРФ. Вот только сама мать сыра-земля его не хочет принимать. Потом он внимательно посмотрел на священника Олега – его старого друга, – который был в некотором недоумении от, как ему казалось, злорадства отца, и объяснил своё поведение так: «Добрый ко злему сам зол, Олег...»

...Я в тот момент живо представил, как душу Ильича

сейчас терзают «мысленные волки», и гадал, сможет ли когда-нибудь она обрести покой? Но спросить отца об этом не решился. Тихий старичок из прихожан нашего храма потом как-то говорил мне, что некий питерский священник дерзнул помянуть имя Ленина на проскомидии. Из-за этого на него нашло безумие и теперь он безвылазно находится в психиатрической лечебнице. Тогда для меня это было сильным аргументом злочестия Ильича. Годами позже я бы подумал по-другому: священник этот был безумен и раньше. Разве будет кто в здравом уме молиться за Ленина? Хотя некоторые церковные историки приписывают святому патриарху Тихону следующее высказывание: «По канонам Православной Церкви возбраняется служить панихиду и помянуть в церковном служении умершего, который был при жизни отлучён от Церкви... Но Владимир Ильич Ленин не был отлучён от Православной Церкви высшей церковной властью, и потому всякий верующий имеет право и возможность помянуть его...» Так или иначе, он был искренен в своей злобе. Магометане верят, что самый низкий круг ада займут мунафики – лицемеры, которые для Аллаха более мерзки, чем даже неверные-кафиры. Не знаю, есть ли подобное учение в Православии? Но по-моему именно об этом говорил Христос, обличая фарисеев: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете.» (Матф. 23;13) Так что, возможно, и для неистового Ильича не всё

потеряно в вечности. По крайней мере, он не займёт самый низший круг ада, где дьявол сидит с душой Иуды в руках, как мать со спеленатым младенцем...

...У отца давно сложился свой круг духовных чад и постоянных прихожан. В основном, это были «платочки» и кроткие старцы со скорбью на лицах. Детей в храм практически не водили. Крестились редко, потому что боялись – шли слухи, что священники должны были докладывать о всех новокрещенных уполномоченным по делам религий. Насколько я знаю, отец никогда этим не занимался, но и со своим уполномоченным ладил, говоря, что он «нормальный мужик». Тем не менее, народ в храм шёл неохотно «страха ради иудейска».

В детский сад родители меня отдавать боялись и компании сверстников в младенческий период моей жизни я был лишен. Я так много времени проводил с верующими старичками, что научился сплетничать раньше, чем читать. Вскоре, после смерти мамы, Православие стало для меня символизировать нечто старое и ветхое – то, что должно скоро истлеть, но каким-то чудом и воскреснуть. Нечто слабое и презренное, но все равно побеждающее. Сила духа святых из житий была для меня тогда сокрыта, – я читал жития так же, как читают сказки про Илью Муромца и Змея Горыныча.

Тем не менее ада я панически боялся, как некоторые дети боятся темноты. Когда я ложился спать, то мне казалось, что дверцы старого шкафа приоткрываются и на меня при-

стально смотрит какая-то черная блестящая тварь, похожая на огромную пиявку. Она только и ждала момента, чтобы вылезти из своего убежища и выпить всю мою кровь. Это было очень жутко и более чем реально. Спасаясь от твари, я крепко жмурил глаза и читал «Живый в помощи». Тогда страх отступал и тварь, затихая, сердито сворачивалась клубком в шкаф. Неуверенно крестясь, я погружался в беспокойный сон. Когда мама была жива, она не затепляла в моей комнате лампадку, опасаясь пожара. А мне было стыдно показывать свой страх перед ней даже в таком юном возрасте. После её смерти я упросил отца купить мне ночной светильник для чтения. Но его мягкий свет не освобождал меня от боязни. Даже скажу больше – эта тварь казалась ещё могущественней при свете светильника. Только утро и живой солнечный свет освобождали меня. Как я тогда понял, ад – это место, где гнездятся подобные твари. Тюрьма, откуда уже нет выхода во веки вечные...

Страх перед адом долго довлел надо мной. Поэтому я был по-настоящему благочестив в детстве. Болтливые старички научили меня должными и несколько лощёными словами просить Бога о благопоспешении в начале всякого дела, рассказали какому святому, в каких нуждах необходимо молиться. Вооружившись этими знаниями, я не смел ложиться спать, не прочитав хотя бы несколько молитв. А когда лежал, тварь непременно приоткрывала двери шкафа и злобно рычала, будто бы готовясь напасть на меня. Я почему-то

прозвал её «Армагедоном»...

С раннего детства я пел и читал на клиросе. Но отец, конечно же желая видеть меня – своего единственного сына – иереем, никогда не настаивал на том, чтобы я пошел по его стопам. Он знал, что никого нельзя принудить любить – принуждением можно научить только ненавидеть. Хотя отец терпеливо ждал то время, когда красная идеология лишится своего знамени и учителя века сего окажутся в замешательстве перед простым фактом – вся их мудрость, оказывается, не стоит и выеденного яйца. Тогда, как он полагал, я пойду по его стопам. Ведь священником станет быть не зазорно, а где-то даже почетно и денежно. Он зорко следил за тем, когда у меня проявится склонность к божественной службе, чтобы не прозевать момент моего истинного обращения. Сам отец уже в детстве играл вместо солдатиков в иереев, смастерив для игры небольшую церковь из картонного ящика. Он всегда с гордостью напоминал мне, что наш род потомственный священнический. Но я, как и другие мальчишки, играл больше в войнушку, двенадцать палочек и казаков-разбойников. Хотя и разделял его гордость за наш род.

В школе сначала меня не любили и в глаза дразнили Поповичем. Рано же я почувствовал, что значит быть белой вороной и ощущать всею своей личностью давление враждебного коллектива. Один бомж-еврей потом как-то говорил мне, что православные подверглись гонениям в советском государстве для того, чтобы понять, что значит быть

евреем в православной империи. Не мне судить о его правоте-неправоте, но во всяком случае, клевали меня в начальных и средних классах весьма болезненно при молчаливой поддержке учителей. Особенно после того, как я отказался стать пионером. После этого меня чуть не исключили из школы. Только благодаря порядочности и пониманию директора меня не выставили вон.

Отец радовался моей стойкости. Но он никогда не посещал родительские собрания и никак не реагировал на замечания, оставленные в дневниках классным руководителем или преподавателями. Не знаю, боялся ли он провокаций или просто не хотел никаких взаимоотношений с учителями, но после смерти моей доброй матушки школьная жизнь была всецело в моих руках. Хотя отец периодически проверял мои знания беседами и поощрял меня на дальнейшее получение знаний. «Учиться, учиться и еще раз учиться, – частенько говорил он, непременно при этом улыбаясь. Может быть, из тебя какой толк выйдет». Такое равнодушие к моей учебе со стороны отца рано воспитало во мне склонность ко принятию самостоятельных решений. Тогда я и начал писать первые дневники. Друзей у меня в то время не было, а отцу всего не расскажешь. Так и появилась у меня привычка докладывать дневнику свои боли и радости.

Я вырослел гораздо раньше сверстников и, благодаря этому, скоро смог завоевать авторитет в своем классе. После празднования тысячелетия Крещения Руси и учителя стали

относиться ко мне лучше, словно понимая, что дни Перво-
мая и «доброго дедушки Ленина» сочтены. Что скоро вера
выйдет из гетто и вернет свои утраченные некогда позиции.
Учителя мои были битые жизнью, стреляные воробьи. Они,
пожалуй, прежде наших правителей почувствовали ветер пе-
ремен, пришедший в кулуары молодежных школьных диско-
тек. В Питере раньше других городов появились металлисты
и панки. А так же так называемые гопники, которые пресле-
довали и били подобную патлатую публику, отбирая у них
мелочь и часы. Пионеры уже не были силой, как во време-
на «Республики Шкид», а октябрятские значки продавались
иностранцам вместе с ушанками, валенками и матрёшками
будущими воротилами крупного бизнеса. Одно время и я ту-
совался с гопниками и даже ходил на гоп-стоп, отбирая курт-
ки и вытрясывая карманную мелочь.

Я хорошо помню то время – однажды даже моя классная
полушепотом попросила меня, чтобы я подал записку в хра-
ме об упокоении её крещёной бабушки. Это была откровен-
ная сдача позиций, но меня все это не радовало так сильно,
как отца, который торжествовал и приветствовал приближа-
ющиеся перемены. Он считал, что православные претерпели
семидесятилетнее вавилонское пленение и гонения очисти-
ли Церковь. Однако он не мог не замечать, что мировоззре-
ние мое также менялось и не в лучшую сторону. Он списы-
вал это все тогда на переходный возраст. Но время показало,
что отец ошибался.

Меня стали привлекать сила и власть. Особенно это стало проявляться после одного случая. Однажды ко мне подошел дылда из параллельного класса и презрительно толкнул меня:

– Эй, Попович! Покажи-ка мне Бога!

Я отнюдь не был дылдой, но, при всем своем небольшом росте, отличался хорошим здоровьем и силой. Хотел увидеть Бога? Что ж. Пришлось проучить этого дылду за легкомысленный тычок, побив его до крови. Я ударил его всего три раза, после чего противник капитулировал, позорно бежав восвояси, вытирая с лица кровь, смешанную с соплями. После этой драки меня стали побаиваться даже старшеклассники... Тогда я впервые отчетливо понял: детство с его чистой и прилежанием ушло. Пришла бешеная юность. Я пошел на секцию кунг-фу стиля винь чунь – в переводе на русский это значит «бешеный кулак». Там я встретил людей, которые не просто любили почесать свои кулаки о груши и макивары, но и заработать на приобретённых навыках деньги. Они были старшими в спортзале и их за глаза называли рэкитирами. У них всегда водились деньги и ездили они на новых «девятках». И они помогали нам, младшим, – «взгревали» – как сами говорили, покупая шоколад и пепси-колу.

Мы жили с отцом в старом доме на Лиговском проспекте. Храм находился в десяти минутах ходьбы. Раньше, до моего увлечения кунг-фу, мы ходили с отцом на службу по воскресеньям и праздникам, общались, обмениваясь шутками и

новостями; я пономарил и помогал отцу на требах. Но с каждым годом тропинка, ведущая в храм, все больше забывалась мною. Всё реже я пономарил по воскресным дням и мы с отцом стали отдаляться друг от друга. Травматичные пути и уличные банды нового Петербурга делали вечера шумными. Отцу это не мешало сосредоточиться на молитве, но меня уличная жизнь влекла, как мотылька на огонь. Но я не ощущал себя мотыльком. Ад уже не страшил меня как раньше. «Армагедон» осталась в стране моего детства, да и старый шкаф, где тварь сворачивалась калачиком, давно выкинули на свалку. Райские сады, молочные реки и кисельные берега тоже не привлекали меня, как и жизнь будущего века. Один «старшак» с винь чунь, зная, что я сын священника, как-то сказал мне: «Я всё, конечно, понимаю, Бог и прочее... Вот только одного не могу понять. Почему, Дюша, в вашей конторе постоянно всё хорошее только завтра? А как же насчет сегодня? Скажу честно, брат, меня это смущает...» Эти слова заставили меня серьёзно задуматься. Некоторые боксёры из секции брали в долг у «лохов» деньги и говорили, что отдадут завтра. И это завтра было всегда, пока «лохи» не понимали, что никакого возврата долгов не будет. С этой точки зрения все верующие были в той или иной степени «лохами», которых в Церкви непрестанно «кормили завтраками», но делиться материальными благами верующие должны были сегодня. Во время этого разговора мы сидели в кафе и общались – был день рождения одного из тренеров...

...С нами «старшаки» обращались не как с «салабонами», а как с младшими братьями, что подкупало и давало ощущение защиты и вседозволенности. За год все, кто был в нашей группе кунг-фу, сблизились между собой настолько, что ходили друг другу в гости, а те, кто постарше, имели и общие дела...

...Когда мне исполнилось пятнадцать, я намеренно пришел домой пьяным. Я напивался и раньше, но стыдившись отца, трезвел где-нибудь у друзей или же в метро, катаясь по веткам с севера на юг. Но в тот раз я хотел показать отцу, что его наставления для меня больше не имеют никакой силы. Что я не хочу бояться ни Бога, ни чёрта, ни его самого. Даже если Господь меня не примет в рай, я всё равно буду жить по своей воле. Так, как душа хочет жить, а не так, как хочет от меня Бог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.